

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА—ИЗДАНИЕ ЦК КП(б)Б

№ 52 (2919)

СУББОТА

5 марта 1938 г.

БАНДИТЫ ПОНЕСУТ ЗАСЛУЖЕННУЮ КАРУ

Третий день продолжается судебный процесс по делу закланных врагов народа из «право-троцкистского блока». Шаг за шагом суд разматывает клубок кровавых преступлений, разворачивает перед всем миром картину неслыханных злодеяний, совершенных этой гнусной бандой провокаторов, шпионов и убийц, сидевших на скамье подсудимых.

Лютая, звериная ненависть к советскому государству, советскому народу, к социализму объединила воспитанников царской охранки, прожженных провокаторов Зеленого, Иванова, Зубарева с троцкистами, правыми бандитами, меньшевиками, буржуазными националистами. Вся эта свора убийц, шпионов и диверсантов объединилась и оформилась в «право-троцкистский блок» под руководством троцкистско-партийных бандитов Троцкого, Бухарина, Рыкова, имена которых стали синонимом самых жутких и мерзких преступлений.

И вот теперь один за другим проходят они перед Военной Коллегией Верховного Суда. С пинчностью извергов и хладнокровием матерых палачей рассказывают они о том, как, выполняя разбойничьи задания «право-троцкистского блока», они организовывали диверсии, шпионаж в пользу германской и английской разведки, убивали лучших людей нашей страны, готовили покушения на жизнь вождей партии и советского правительства. Отцом и в родину продавали они фашистским державам нашу цветущую страну. Допрошенный обвиняемый Чернов подробно рассказывает, как он выполнял задания закланного врага советского народа Рыкова. Любимиye средствам стремились он восстановить основные массы крестьянства против советской власти. Он уничтожал хлебные резервы, убивал скот, обесценивал трудящихся колхозников. По заданию Рыкова он вел переговоры с бело-гвардейцем-меньшевиком Даном, с лидерами II Интернационала о восстановлении общественного мнения капиталистических стран против нашего Союза, чтобы спровоцировать их на войну против советской страны.

И ничего нет удивительного в том, что Чернов, — этот гнусный негодяй, — с такой легкостью продался германской охране и становится шпионом германского фашизма. Ибо задания, которые он получал от троцкистско-букхаринского центра, полностью совпадали с заданиями фашистских разведок и преследовали одну и ту же цель: подорвать экономическую мощь нашей страны, подготовить ее поражение в войне с капиталистическими странами.

Эта банда остервенелых врагов трудящихся принесла неисчислимые бедствия нашей стране, рабочим, колхозникам. Они вредили где только могли и как могли. Если шпион Чернов уничтожал колхозный скот, прививая ему сибирскую язву, чуму, анthrax, заражал и уничтожал хлеб, запугивал севообороты, то другой шпион Гринько искажал налоговую политику, организовывал массовое ограбление крестьян, облагая их непосильными налогами, задерживал выплаты зарплат рабочим, срывал строительство, всякими мерами подрывал советский рубль.

Обвинительное заключение и допрос обвиняемых показывают всему миру верное лицо этой гнусной шайки убийц из «право-троцкистского блока».

Советский народ, как и трудящиеся всего мира, с величайшим негодованием и возмущением узнал о том, что именно Бухарин и его подручные, которые скрывались под маской «левых» коммунистов, еще в 1918 году совместно с эсерами и Троцким направляли революбель эсерки Каппан, стрелявшей в Ленина, что именно Бухарин со своей преступной командой готовили по-

кушения на Ленина, Сталина и Свердлова, стремясь обезглавить Великую Октябрьскую революцию.

Народы нашей страны, как и трудящиеся всего мира, с чувством величайшего негодования и возмущения узнали о том, что бандитский блок, сидевший теперь на скамье подсудимых, под руководством обер-шпиона и предателя Троцкого убил Сергея Мироновича Кирова, Валерия Владимировича Куйбышева, Менжинского и великого писателя Максима Горького.

Весь мир узнал о том, какие величайшие бедствия готовила эта банда шпионов и убийц трудящихся нашей страны. При помощи германского, японского и польского фашизма собирались они устроить кровавый пир в нашей стране, хотели затопить ее кровью трудящихся, разорвать и распродавать ее по частям.

Польский шпион Шарангович, которому удалось пролезть на пост секретаря ЦК КП(б)Б, объединил все черные силы — эсеров, меньшевиков, буржуазных троцкистов, правых предателей, национал-фашистов, пританцовывавших в Советской Белоруссии. Выполняя задания своих хозяев из польского дельфизма, они издевались над белорусским народом. По прямым указаниям Шаранговича его ставленники в районах грабили крестьян, отнимали у них все — вплоть до последней подкушки, разваливали колхозы. Их руками за 1936 год уничтожено 30.000 колхозных лошадей. Они готовили отторжение Советской Белоруссии от Советского Союза и присоединение ее к фашистской Польше.

История человечества не знала и не знает таких чудовищных, позитивных дьявольских преступлений, осуществившихся с такой методичностью и хладнокровием, как это делали мерзавцы из «право-троцкистского блока».

Эти злодеи, которые насквозь пропитаны кровью трудящихся, кровью лучших людей нашей страны, судят все трудящиеся, все передовое прогрессивное человечество.

Грозная волна народного гнева прокатывается по всей стране. На многотысячных митингах фабрик и заводов, в колхозах, красноармейских частях, учебных заведениях белорусский народ вместе со всеми народами нашей страны выносит свой единодушный приговор — уничтожить фашистскую гонимую, всех как одного стереть с лица нашей земли, чтобы эта омерзительная погань не отравляла чистый воздух советской страны.

Нет и не может быть пощады тому, кто поднял свою кровавую лапу на завоевания Великой Октябрьской революции, кто покушается на счастье советского народа, на дорогих ему вождей. Карающая рука советского правосудия без колебания выполнит приговор своего народа.

Народы Советской Белоруссии горят любовью к своей счастливой родине — Советскому Союзу. Они, как никогда, крепко сплочены вокруг своей большевистской партии. Они беспощадно уничтожат всякого, кто попытается подорвать великую дружбу трудящихся Советской Белоруссии со всеми народами Советского Союза. Пусть это крепко запомнят всекие единомышленники господ шаранговичей, которым пока еще удалось укрыться в своих изменных гнездах. Их ждет такая же участь, как и их организаторов, сидевших теперь перед советским судом.

Несокрушимой силой стоит советский народ на защите своих завоеваний, своего счастья, своей родины. И нет в мире силы, способной отнять у советских людей хотя бы крупицу того, что ими завоевано в тяжелых боях за социализм. Нет в мире силы, способной помешать победоносному шествию нашей страны к коммунизму.

БЕСПОЩАДНО ПОКАРАТЬ ИЗМЕННИКОВ

(Из резолюции митинга рабочих, служащих и инженерно-технических работников завода цепей Галля)

Общее собрание рабочих, служащих и инженерно-технических работников завода цепей Галля клеймит позором преверженных наймитов фашизма, подлых врагов — трудящегося человечества — «право-троцкистский блок». Эти гады, подонки человечества по прямому указанию фашистского агента Гестапо — мерзавца Троцкого, пытались путем диверсий, террора, вредительства поглотить военное могущество нашей родины, ставили своей целью свержение советской власти и восстановление капитализма в нашей стране.

Лучшие борцы за дело рабочего класса товарищи Киров, Куйбышев, Менжинский, Горький злодейски убиты этими бешеными собаками озверелого фашизма.

Собрание требует от Верховного Суда СССР смертного приговора этим негодям. Трижды презренные Бухарин, Рыков, Ягода и им подобная сволочь должны быть стерты с лица земли.

Мы уверены, что суд выполнит волю народа.

МЫ ВСЕГДА НА-ЧЕКУ

С величайшим гневом встретили бойцы и командиры-начальствующие состав части, которой командует майор Фролов, известие о подлой деятельности закланных врагов народа, наймитов японско-германского и польского фашизма — Бухарина, Рыкова, Ягоды, Шаранговича и других негодяи.

На митинге, где бойцы в напряженной тишине выслушали обвинительное заключение по делу подлых убийц, первым встал слово младший командир тов. Париков.

— Трудно представить себе те ужасы, которые творили и готовили нам фашистская банда Бухарина-Рыкова.

Младший командир Белков сказал: — Пусть помнят фашистские банды, что мы, артиллеристы, как и бойцы всех родов оружия, всегда на-чеку.

По первому зову великого Сталина, под водительством любимого нарком тов. Ворошилова, мы разгромим врагов, будем их бить так, как еще не знала история.

В принятой резолюции говорится: «Враги, как подколенные змеи, пролезли в наш государственный аппарат. Они хотели лишить государственности Советскую Белоруссию. Они умертвили славного чекиста Менжинского, злодейски убили любимца партии и народа, пламенного трибуна революции тов. С. М. Кирова, умертвили выдающегося государственного деятеля тов. Куйбышева и любимого пролетарского писателя А. М. Горького.

Фашистским бандитам нет места на советской земле!»

Политрук М. Желудно.

БЕСПРЕДЕЛЕН ГНЕВ НАРОДА

(Митинг в Лепеле)

ЛЕПЕЛЬ. На митинге рабочих двух смен Лепельского стройкомбината выступил стачковец тов. Демка.

— Подлая кучка шпионов и диверсантов, во главе с Бухариным, Рыковым и прочими бандитами, пыталась реставрировать капитализм в нашей стране, лишить трудящихся счастья и радостной жизни. Но ставка врагов оказалась битой. Убийцы, шпионы и провокаторы пойманы и полчиным, им не уйти от гнева народного.

В единогласно принятой резолюции рабочие требуют от пролетарского суда беспощадной расправы с фашистскими псами.

«Приговорить к расстрелу — таков должен быть приговор пролетарского суда над гнусной бандой из «право-троцкистского блока», — записали в своей резолюции 600 рабочих, инженеров и техников чашинской фабрики «Красная Звезда».

Многотысячный митинг состоялся также в части, которой командуют тт. Морозов и Лаазерев. Бойцы и командиры послали приветствие славным нарком-инженерам, беспощадно разоблачающим подлые проделки врагов народа.

СЛАВА НАШИМ ЧЕКИСТАМ!

(Письмо к тов. Н. И. Ежову)

Чувство гнева и ненависти охватило нас, когда мы узнали о черных и гнусных делах, которые творили подлые из подлейших, трижды проклятые троцкистско-букхаринские бандиты.

Эти мерзавцы верно служили своим фашистским хозяевам, отцом и в родину торговали нашей страной. Они умертвили лучших сынов народа. Они покушались на святое святынь советского народа — на Ленина и Сталина. Они покушались на завоеванное счастье советского народа.

Но славные чекисты во главе с Вами, под мудрым руководством великого Сталина, сорвали маску с бандитов и предателей.

Мы выражаем Вам свое чувство глубокой благодарности за великие заслуги перед советским народом. Вы еще раз показали всему миру силу советской разведки, ее тесную, неразрывную связь со всем народом. И потому вели-

ка наша любовь к Вам и к славному НКВД — неусыпному стражу нашей родины.

Слава нашим чекистам! Живите, Николай Иванович, долгие, долгие годы на радость трудящимся, на страх врагам. Мы гордимся Вами, Вашим именем, которое носит наш лесокосбинат. Завернем Вас, что мы уделим своей работой на пользу нашей родины доказательство, что по заслугам носим Ваше имя.

Да здравствуют доблестные чекисты во главе со сталинским наркомом тов. Ежовым!

Да здравствует наш мудрый вождь великий Сталин!

Принято на митинге рабочих, инженеров, техников и служащих горьковского лесокосбината имени Н. И. Ежова.

ПРОКЛЯТИЕ УБИЙЦАМ И ПРЕДАТЕЛЯМ!

РОГАЧЕВ. (Наш спец. корр.). Здесь состоялся многотысячный митинг курсантов, преподавателей и техперсонала республиканской школы тракторных бригадиров, на котором было зачитано обвинительное заключение по делу «право-троцкистского блока».

Курсант, бригадир тракторной колонны Фролов Яков, в своем выступлении заявил:

— Враги народа — троцкисты, букхаринцы, рыковцы — вели борьбу против любимой нашей партии Ленина — Сталина. Они хотели установить власть буржуазии, они хотели продать нашу свободу, нашу землю, наши заводы фашистским извергам и закабалить наш народ. Но им это не удалось и никогда не удастся! Наш НКВД с помощью 170-миллионного народа сметет с лица советской земли этих фашистских собак.

На митинге выступали трактористы.

ОНИ ПОКУШАЛИСЬ НА СЧАСТЬЕ НАРОДНОЕ

(На митинге рабочих и служащих Смолевичской МТС)

СМОЛЕВИЧИ. Здесь состоялся митинг рабочих и служащих первой Смолевичской МТС. Собрание слушало обвинительное заключение по делу «право-троцкистского блока». На трибуну поднялись рядовые рабочие. Они бросили слова, полные жуткого презрения изменникам родины.

В единогласно принятой резолюции участники митинга пишут:

«Рабочие и служащие первой Смолевичской МТС клеймят позором обер-предателей Бухарина, Рыкова, Ягоду и других мерзавцев, стремившихся про-

дать нашу страну фашистским агрессорам. Это они — презренные наймиты фашизма — по прямому указанию обер-шпиона Троцкого осуществляли шпионаж в пользу фашистских государств. Враги советского государства, эти подонки человечества вырвали из наших рядов тт. Кирова, Куйбышева, Менжинского, великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького.

Мы требуем от Военной Коллегии Верховного Суда беспощадной расправы с этими подлыми изменниками. Расстрелять всех этих гадов! — таков приговор всего советского народа».

ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, ЕГО УНИЧТОЖАЮТ

(На собрании медработников 2-го Клинического городка).

Каждый абзац обвинительного заключения по делу презренных провокаторов, шпионов и изменников поднимал все большую волну гнева и трижды проклятым убийцам из «право-троцкистского блока».

Чтение обвинительного заключения подходило к концу. В президиум собрания полетели десятки записок с просьбой дать слово.

На трибуну врач Евстафьев. Он возмущается от охватившего его беспредельного гнева.

— Нет таких слов, — говорит он, — чтобы выразить глубину нашего возмущения подлой деятельностью агентов Гестапо. Наймиты фашизма из троцкистско-букхаринского блока пытаются расчленил Советский Союз, отдал в кабалу нашу Белоруссию и другие национальные республики, превратив их в колонии фашистских государств. Не вышло! Недержимое око народа — наш НКВД захватил врагов вожже рукавицы. Мы просим Военную Коллегию Верховного Суда вынести над троцкистско-букхаринскими бандитами приговор, соответствующий приговору всего советского народа — расстрелять всех бешеных фашистских собак.

Слово берет врач Голуб, который говорит:

— Если враг не сдается, его уничтожают. Эти слова великого писателя Максима Горького надо полностью применить к фашистским ублюдкам. Мерзавцы гады должны быть уничтожены!

В принятой резолюции собрание врачей и медперсонала 2-го Клинического городка записало:

«Фашистские наймиты осуществили злодейское убийство пламенного трибуна революции Сергея Мироновича Кирова. С помощью презренных гениев человечества Максима Горького, Лавина, Казакова, Виноградова и Плотова — они умертвили гения человечества Максима Горького, неистовых большевиков Куйбышева и Менжинского.

Мы требуем от пролетарского суда вынести этим фашистским собакам высшую меру социальной защиты — расстрел.

Мы заявляем нашей партии и правительству, что отдадим все свои силы, а если нужно — жизнь, на защиту нашей славной социалистической родины.

Горячий привет славному сталинскому нарком Николаю Ивановичу Ежову, горячий привет ворком часовому страны социализма — НКВД!».

С. АФОНИН.

СНЕСТИ ГОЛОВЫ БЕШЕНЫМ ПСАМ!

(Митинг в колхозе им. Дзержинского, Минского района).

В середине дня в пригородный колхоз им. Дзержинского, Минского района, пришли газеты, в которых опубликовано обвинительное заключение по делу «право-троцкистского блока».

В продолжение каких-либо десяти минут в канцелярии собрались на митинг колхозники и колхозницы. После зачитания обвинительного заключения слово взял беспартийный колхозник Трушневич Алексей Емельянович.

— Троцкисты и букхаринцы, — говорит т. Трушневич, — хотели погубить нас, хотели влить кровь рабочих и колхозников нашу родину, отдать ее на съедение германским и польским псам. За это они заслужили только одно — расстрел. Да будут прокляты их подлые имена!

— Они убили Максима Горького, — говорит председатель колхоза тов. Шабуневич, — этого великого человека, который отдал всю свою драгоценную жизнь за дело рабочих и крестьян. За это это злодеяние бешеным собакам, сидевшим сейчас на скамье подсудимых, нужно снести головы.

В единогласно принятой резолюции колхозники-дзержинцы приветствуют славных чекистов-наркомовцев, раскрывших подлый заговор, и пишут: «Гнусные подонки, кровавые псы, холеры германских фашистов и польских панов хотели продать нашу Советскую Белоруссию иностранным интервентам, хотели вернуть панский клещ».

Смерть гнусной погань! В ответ на подлые проделки фашистов и их агентов мы, колхозники, еще теснее сплотимся вокруг коммунистической партии, вокруг нашего отца-товарища Сталина. Мы еще больше будем крепить оборону СССР, а на полях — бороться за высокий урожай».

НЕСОКРУШИМА СТРАНА СОЦИАЛИЗМА

Великим гневом были полны слова научных работников и студентов, выступавших на митинге Белорусского политического института.

— Своей подлой работой, — заявил профессор Прилепин, — подлые предатели хотели вернуть нас в рабской жизни. Но вода не течет вспять и никто не повернет колесо истории, не найдет у нас капиталистических порядков.

Студент 4 курса механического факультета Клябанский, выступая, сказал: «Бандиты пойманы, и пойманы с полчиным».

Им не ослабить силу родины моей, Не расшатать ряды бойцов, в боях привычных.

Не догадать им солнца наших светлых дней, Их всех сожжет народной ненависти пламя.

Трижды презренные фашистские цочки.

Все выше растет наша боевое знамя И крепнут крылья народные полки!».

— Вместе с пролетарским судом, — сказал доцент Кудрявцев, — эту банду прожженных преступников судит весь советский народ. Мир не знает преступлений, равных злодеяниям этой банды, и нет меры наказания для них. Советский народ сотрет с лица земли выродков, мешавших ему осуществлять под руководством партии и великого Сталина дело, начатое гением революции Лениным.

Митинг единогласно заявил в своей резолюции: «Едино мнение советского народа. Мы требуем самого сурового приговора над шайкой шпионов, убийц и диверсантов «право-троцкистского блока». Стереть с лица земли выродков человечества».

Пусть знают их хозяева — фашистские разведки, что несокрушима страна социализма, и все их заговорнические попытки разобьются в прах о мощь солидарности и единства советского народа.

Смерть подлым агентам фашизма, шпионам и диверсантам!

Да здравствует великая партия Ленина-Сталина!

Да здравствует наш родной, любимый Сталин!

И. КОРОЛЬКОВ.

Рабочие минской швейной фабрики «Октябрь» с чувством величайшего возмущения узнали о предательской деятельности антисоветского «право-троцкистского блока».

Фото В. Лейна.

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 3 МАРТА

Допрос подсудимого ИВАНОВА*)

Вышинский. Подсудимый Иванов, расскажите, при каких обстоятельствах, когда вы вступили в подпольную контрреволюционную организацию?

Иванов. Первое мое грехопадение началось в 1911 году, когда я был учеником Тульской гимназии, в 8 классе. Царское охранение удалось меня завербовать в качестве своего агента.

Вышинский. С каким именно учреждением вы были связаны как охранник, в каком городе?

Иванов. С жандармским охранным управлением в городе Туле.

Вышинский. В Туле вы с кем были персонально связаны?

Иванов. С ротмистром Маматазьяном.

Вышинский. Вы получали вознаграждение за свою работу?

Иванов. Получал вознаграждение и в Москве и в Туле.

Вышинский. Затем вы приезжаете в Москву, поступаете в Московский университет в 1912 году?

Иванов. Да.

Вышинский. В 1913 году вы в Москве ведете активную работу в охранке?

Иванов. Да.

Вышинский. С кем вы связываетесь?

Иванов. С ротмистром Грязновым и полковником Колосовым.

Вышинский. В чем выражалась ваша провокаторская работа?

Иванов. Я информировал о революционном движении в студенческих организациях, информировал об отдельных товарищах, которые вели революционную работу.

Вышинский. Сколько времени вы состояли агентом московской охранки?

Иванов. С 1913 года по конец 1916 года.

Вышинский. Какое же вознаграждение вы получали?

Иванов. В тульской охранке получал сначала 15, потом 20 рублей.

Вышинский. А в московской охранке?

Иванов. Получал сначала 30, 40 рублей, затем дошел до 60—75 рублей. В процессе улучшения качества моей работы моя ставка повышалась.

Вышинский. Когда вы проникли в большевистскую партию?

Иванов. В 1915 году.

Вышинский. При каких обстоятельствах? По личному побуждению?

Иванов. Было указание от полковника Колоколова о том, чтобы я вступил в большевистскую партию.

Вышинский. Значит, вы вступили в партию по указанию полковника Колоколова?

Иванов. Да.

Вышинский. В каких целях?

Иванов. В целях возможности более глубокого освещения деятельности большевистской организации.

Вышинский. С провокаторскими целями?

Иванов. Да, с провокаторскими целями.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, вы имели связь с группой «левых коммунистов»?

Иванов. Да.

Вышинский. А кто вас вовлек в эту группу?

Иванов. Здесь никто меня не привлекал по сути дела, потому что самое мое грехопадение и страх, что я могу быть расоблачен при советской власти, меня толкали и гнали в стан врагов. И я, как воробей, летящий по западу на падающую, выливался во всевозможные группы, которые борются с советской властью, потому что я расчитывал, что тогда при реставрации власти буржуазии я не буду расоблачен.

Вышинский. Когда вы примкнули к «левым» коммунистам?

Иванов. В конце 1917 или в начале 1918 года.

Вышинский. Значит, вы примкнули к этой группе как враг, который рассчитывал, что с этой группой вам удастся свалить советскую власть?

Иванов. У «левых» коммунистов я находил то, что мне было нужно как врагу советской власти и рабочего класса.

Вышинский. Вы тогда с Бухариным были связаны?

Иванов. Мы были на нескольких собраниях. Потом Бухарин однажды поставил передо мной вопрос о том, что в знак протеста против партии и против линии Ленина нужно выйти из коммунистической партии и организовать свою партию. Расчет был на то, что это может привести к распаду коммунистической партии и победе «левых» коммунистов. Я работал тогда партийным организатором в Васильевском районе. Мне не удалось получить поддержку в партийной массе по линии «левых» коммунистов. Масса шла противом за Лениным. Мне было ясно, что вся работа «левых» коммунистов обречена на провал, на банкротство.

Вышинский. Потом я встретился с Бухариным на X съезде партии, где у нас с Бухариным был следующий разговор. Он поставил вопрос о том, что у меня, мол, с Лениным расхождение по коренным вопросам; и сейчас занят подготовкой своих кадров, которые готовы были по первому моему, Бухарина, слову выступить против Ленина. Это, по-моему, было предвещением к созданию «школы» Бухарина.

*) Сокращенная стенограмма.

Советская Белоруссия

5 марта 1938 г.

52

Допрос подсудимого ЗУБАРЕВА*)

Вышинский. Подсудимый Зубарев, когда вы вступили на путь преступной деятельности в контрреволюционной организации правых?

Зубарев. В 1929 году, когда я был вовлечен в организацию правых Смирновым Александром Петровичем, с которым я был знаком с 1919 года. При встрече в начале 1929 года я высказывал свое недовольство и несогласие с линией партии в отношении политики в деревне. Тогда же он меня информировал о том, что организация правых существует, и я впервые узнал в 1929 году, что она является членом этой организации. Тогда же я впервые узнал о том, что существует союзный центр этой организации.

Вышинский. Когда началась связь с Рыковым?

Зубарев. Связь с Рыковым началась в 1930 году, когда он приехал в Свердловск на партийную конференцию.

Вышинский. При каких обстоятельствах у вас возникла эта связь с Рыковым, как с руководителем правого заговорнического центра?

Зубарев. Я тогда работал по партийной линии. Во время конференции я имел с Рыковым довольно длительную беседу. Задачи, которые выдвинул тогда Рыков в беседе со мной, можно свести к трем основным моментам.

Первый — это вредительская работа в деревне: срыв посевной кампании путем несовременной выдачи и подвоза семенного материала, понижения его качества. Это будет естественно ослабить население.

Второй момент — это возбуждение населения путем различного рода провокационных мер: неправильная организация снабжения основными продуктами питания и особенно неправильная организация общественного питания.

Третий момент — консолидация всех элементов, враждебно настроенных к советской власти, блокирование с существующими на Урале контрреволюционными организациями, в частности с троцкистскими, зиновьевскими и эсеровскими.

Вышинский. Подсудимый Рыков, что вы можете сказать по этой части показаний подсудимого Зубарева?

Рыков. Подтверждаю разговоры относительно моей характеристики настроений в тот период в деревне. Я должен был давать и давать такие поручения.

Вышинский. Давали ли вы поручения Зубареву?

Рыков. Да.

*) Сокращенная стенограмма.

Вышинский. Когда? Рыков. В мае 1930 года.

Вышинский. Подсудимый Зубарев, скажите, что конкретно вами было сделано для совершения преступлений против советского правительства.

Зубарев. Я давал указания о срыве хлебозаготовок, поощрении враждебных настроений в связи со сдвигами хлеба, о противодействии коллективизации, о противодействии мероприятиям, проводимым партией и правительством в отношении укрепления колхозов.

Вышинский. А об организации кулацких восстаний вы давали указания?

Зубарев. Давал. Они находились в прямой зависимости от этих мероприятий.

Вышинский. Какие факты вредительства имели место в вашей деятельности?

Зубарев. Я давал вредительские указания, наносившие вред советскому государству в отношении сельского хозяйства на Урале. Что касается моей работы в Москве, то в Москве контрреволюционная деятельность моя началась с середины 1933 года.

Вышинский. Скажите, в чем выражается ваша вредительская деятельность?

Зубарев. Когда я работал в области семеноводства по линии Наркома земледелия, она выражалась в том, что чужеродные семена, ухудшение качества семян, применение плохих сортов, применение плохой его очистки, небрежное хранение, а в результате это вызывало не только снижение урожая, но и враждебные настроения со стороны крестьянства, недовольство этим, так называемыми, сортовыми семенами.

Вышинский. Против кого вы намеревались совершить ваши злодейские террористические акты?

Зубарев. Вначале мы конкретно никого персонально не имели в виду, а вообще намеревались террористические акты против руководителей состава Центрального Комитета ВКП(б), в частности против членов Политбюро. В силу своего положения, в силу своих связей и больших возможностей в смысле организации террористического акта мы остановились на Молотове.

Вышинский. На Молотове — Председателя Совета Народных Комиссаров СССР?

Зубарев. Да, на Молотове.

Вышинский. А еще были у вас преступные замыслы такого рода?

Зубарев. Мы остановились на этом. Других возможностей мы не видели. Вначале ставился вопрос относительно

Сталина, Кагановича, Ворошилова и Молотова, но мы остановились на Молотове по тем соображениям, о которых я уже говорил.

Вышинский. Расскажите, при каких обстоятельствах вы оказались агентом царской охранки.

Зубарев. В 1908 году у моего отца в деревне, где я также был в тот момент, был произведен обыск большим нарядом полиции. При обыске было найдено значительное количество литературы.

Вышинский. Какой?

Зубарев. Нелегальной литературы. Руководивший обыском пристав Васильев поставил передо мной вопрос в такой плоскости: «Если вы, Зубарев, хотите избежать репрессии, то у вас есть только единственная возможность — принять мое предложение: быть агентом полиции».

Далее Зубарев дает показания о своей работе в качестве агента царской полиции в Стерлитамаке и затем в Уфе, о том, как он выдавал революционеров.

Вышинский. Значит, на протяжении большого периода вы были связаны с полицией вплоть до самой революции?

Зубарев. Да.

Вышинский. Вы получали вознаграждение за эту свою работу?

Зубарев. Дважды от пристава Васильева по 30 рублей.

Вышинский. По 30 сребренников?

Зубарев. Да.

Вышинский. В два раза больше чем Иуда?

Зубарев. Да.

Председательствующий Ульрих. Расскажите вкратце о своей шпионской деятельности.

Зубарев. Моя шпионская деятельность началась с конца 1935 года. Вовлечен я был в эту организацию для дачи секретных сведений секретарем Сулимовым Иваном. Сведения секретного порядка, касающиеся данных по линии сельского хозяйства, я давал дважды — в январе и в декабре 1936 года. Я подробно описывал состояние деревни, класных записок, семенных и продовольственных фондов, особенно фуражных, говорил о состоянии скота.

От Ивана я узнал, что эти сведения давались в пользу фашистской Германии.

Вышинский. Я прошу вызвать сюда в качестве свидетеля бывшего полицейского пристава Васильева, который вербовал в свое время Зубарева, для проверки этого обстоятельства.

Председательствующий Ульрих. Суд определит удовлетворить ходатайство прокурора и вызвать Васильева в качестве свидетеля на заседание суда.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ Д. Н. ВАСИЛЬЕВА

Председательствующий Ульрих. Ваша фамилия — Васильев?

Васильев. Васильев.

Председательствующий Ульрих. Ваше имя, отчество?

Васильев. Дмитрий Николаевич.

Председательствующий Ульрих. Когда вы родились?

Васильев. В 1870 году.

Председательствующий Ульрих. Вы в 1907, 1908, 1909, 1910 г.г. в каких городах жили?

Васильев. В гор. Котельнихи.

Председательствующий Ульрих. Какую должность занимали?

Васильев. Я был становым приставом 4-го стана.

Председательствующий Ульрих. Во время вашей работы в качестве пристава приходилось вам кого-нибудь вербовать в качестве провокатора?

Васильев. Приходилось.

Председательствующий Ульрих. В частности, не приходилось ли вам вербовать Зубарева?

Васильев. Зубарева, да, так точно.

Председательствующий Ульрих. В двух словах расскажите, как вы его вербовали?

Васильев. Полицейский урядник Смертинский велел мне, что в доме, где жил у своего отца в деревне Зубарев Прокопий Тимофеевич, собираются молодые люди, поют революционные песни, читают революционные книги. Ну, я, конечно, по долгу своей службы тогда приехал в деревню к уряднику Коневым, сделал обыск, обнаружил и отобрал действительно много революционных изданий. Зубареву пришлось, конечно, арестовать, что у них еще есть в деревне революционно настроенные люди. На-

звал он мне имена двух человек, по фамилии не сказал, и обещал, что он выявит этих двух людей. Я доложил исправнику. Исправник велел его арестовать и отобрать от него подписку.

Председательствующий Ульрих. Какого характера подписку?

Васильев. О том, что он обязуется давать полиции сведения. При отобрании этой подписки он сказал, что клещи его будут «Василий».

Вышинский. В течение какого времени вы были связаны с Зубаревым?

Васильев. С 1908—1909 г.

Вышинский. Вы подтверждаете, подсудимый Зубарев, что свидетель Дмитрий Николаевич Васильев напоминает вам того пристава Васильева, который вас впервые завербовал на службу в полицию?

Зубарев. Да, подтверждаю.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 3 МАРТА

Допрос подсудимого КРЕСТИНСКОГО*)

Председательствующий Ульрих. Приступаем к допросу подсудимого Крестинского.

Вышинский. Позвольте мне допрос Крестинского задать несколько вопросов подсудимому Раковскому.

Председательствующий Ульрих. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Раковский, вы признали себя виновным в преступлениях, которые вам предъявлены?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Вы здесь слышали также ответ Крестинского, который на вопрос суда заявил, что он не троцкист и не совершил преступлений, в которых он признавался на предварительном следствии. Я хотел бы спросить у вас, как у одного из виднейших представителей и руководителей троцкистского подполья в СССР, что вы знаете о троцкистской деятельности Крестинского в последний период ареста?

Раковский. Крестинский в доказательство того, что он отошел от троцкизма, заявил, что в конце 1927 года он послал письмо Троцкому, в котором отмежевывается от троцкистских позиций. Это письмо Крестинского мне известно. Троцкий давал мне его читать. И не только мне. Но для того, чтобы осветить смысл этого письма, я должен прежде всего указать на один факт.

Возвращаясь в Москву, за несколько недель до послышки Крестинского этого письма, накануне пленума ЦК перед XV съездом, я остановился в 1927 г. в Берлине, как всегда — по полпредству, где тогда работал Крестинский. Вместе со мной был Каменев. Он приехал из Рима и тоже отправлялся на пленум ЦК. Между мной, Каменевым и Крестинским, как между единомышленниками,

происходил тогда в Берлине обмен мнений. До этого времени со стороны Крестинского не было никаких признаков отхода от оппозиции. При встрече в Берлине мы вместе обсуждали, что следует предпринимать оппозиции на предстоящем пленуме. Крестинский оставался в Берлине. Он был того мнения, что нужно продолжать и дальше маневрировать.

Вышинский. То есть двурушничать?

Раковский. Тогда это слово не употреблялось.

Вышинский. А смысл?

Раковский. Смысл тот же. Через некоторое время после этого, когда я уже был в Москве, Троцкий мне показал письмо Крестинского. Это было в первых числах декабря 1927 года.

Вышинский. Вы припоминаете, что в этом письме было?

Раковский. Точное содержание я не помню, но общее впечатление было такое, что это маневр. Когда я прочел это письмо Крестинского, я сказал Троцкому: «Крестинский подготавливает то, что на языке журналистики называется альбином». Троцкий подтвердил, ибо когда ЦК ВКП(б) обратился к полпредам, раздавшимся троцкистские взгляды, с вопросом, как они относятся к исключению руководителей оппозиции из партии, Крестинский написал в ЦК письмо и ссылался на нем на это свое «альбино».

Вышинский. Ссылаясь на письмо Крестинского, как на доказательство разрыва с троцкизмом?

Раковский. Да, на это письмо, как на доказательство, что он отошел. Письмо Крестинского в ЦК было напечатано в газетах в 1928 году.

Вышинский. Следовательно, на мой вопрос — был ли в ноябре 1927 г. и

после Крестинский троцкистом — как вы отвечаете?

Раковский. Да, Крестинский был троцкистом и с троцкизмом никогда не порывал.

Вышинский. Следовательно, как вы расцениваете сделанное здесь вчера заявление подсудимого Крестинского, что он не был троцкистом, по крайней мере с ноября 1927 года?

Раковский. Как не соответствующее действительности. Я обринусь, если позволит суд, к самому Крестинскому.

Председательствующий Ульрих. Пожалуйста.

Раковский. (Крестинскому). Николай Николаевич, когда я был в ссылке, ты мне писал?

Крестинский. Да, через дочь, которая жила в Саратов, и писал.

Вышинский. Я просил бы, подсудимый Раковский, сообщить, о чем вам писал в 1929 году, во время вашего пребывания в Саратов, в ссылке, обвиняемый Крестинский?

Раковский. Крестинский в этом письме писал, чтобы я вернулся в партию, естественно, в целях продолжения троцкистской деятельности.

Вышинский. Значит, вы сейчас устанавливаете факт его связи с вами, хотя вы были сильными троцкистами?

Раковский. Да, и его желание, как и других троцкистов, сохранить троцкистские кадры, по возможности проникнуть в партию.

Вышинский. Значит, он уговаривал вас, чтобы вы, на тактических соображениях, в интересах троцкистского дела, вернулись в партию?

Вышинский. Подсудимый Крестинский, правильно понял содержание вашего письма подсудимый Раковский?

Крестинский. Правильно.

(Окончание на 3 стр.)

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Допрос подсудимого КРЕСТИНСКОГО

ОКОНЧАНИЕ

Вышинский. Я прошу суд о следующем. По моему требованию сейчас были проверены документы, изъятые при обыске у Крестинского. Среди них имелась копия его письма Троцкому от 27 ноября 1927 года, того самого письма, на которое ссылался вчера Крестинский и о котором говорит Раковский.

Я прошу разрешить мне предъявить Раковскому и Крестинскому эту копию письма и спросить их, об этом ли письме Троцкому оба они говорят.

(Копия письма от 27 ноября 1927 года представляется Крестинскому, затем Раковскому).

Крестинский. Это то самое письмо.

Вышинский. Прошу предъявить копию письма обвиняемому Раковскому.

Раковский (читая письмо). Да, насколько я могу помнить, это есть то самое письмо.

Вышинский. Прошу разрешить предъявить Раковскому выдержку из газеты «Экономическая жизнь» от 8 апреля 1928 года, где написано: «Выдержка из письма Крестинского от 22 марта 1928 года». Не это ли он имел в виду, когда говорил о письме Крестинского в ЦК, посланном уже после его письма в Троцкому?

Раковский. Да, об этом.

Вышинский. Значит, все факты установлены. Подсудимый Раковский, не помните ли вы следующего места из личного письма Крестинского Троцкому, как оно отражено в копии. Крестинский пишет: «По моему глубокому убеждению, тактика оппозиции за последние полгода была глубоко ошибочной, вредной для целей самой оппозиции, можно сказать, трагически неправильной». Можно ли из этого абзаца сделать заключение, что здесь содержится какое-либо осуждение троцкизма?

Раковский. Нет. Крестинский рассуждает, как человек, находящийся в троцкистской организации. Он говорит в интересах троцкистской организации, троцкистских целей.

Вышинский (обращаясь к Крестинскому). Вы выслушали подробное объяснение Раковского о, так называемом, отходе нашем от троцкизма. Считаете ли вы эти объяснения Раковского правильными?

Крестинский. То, что он говорит, правильно.

Вышинский. Если верно то, что говорил здесь Раковский, то будете ли вы продолжать обманывать суд и отрицать правильность данных вами на предварительном следствии показаний?

Крестинский. Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

Вышинский. Что означает в таком случае ваше последнее заявление, которое нельзя иначе рассматривать, как троцкистскую провокацию на процесс?

Крестинский. Вчера, под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного акта, усугубленного моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать — да, я виновен, я почти машинально ответил — нет, не виновен.

Вышинский. Машинально?

Крестинский. Я не в силах был перед лицом мирового общественного мнения сказать правду, что я вел все время троцкистскую борьбу против советской власти.

Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тяжким обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измены и предательства.

Вышинский. У меня больше вопросов к подсудимому Крестинскому пока нет.

ных организаций по линии террора, то он предпочел использовать эти связи.

Вышинский. Для чего?

Бухарин. Для террористической работы против руководства партии, в том числе Сталина и Кагановича.

Вышинский. Позвольте мне констатировать, что у вас, у Бухарина, как члена центра правой подпольной организации, была подпольная конспиративная связь с эсеровскими террористами, который вместе с вами подготовил организацию покушения на товарища Сталина и других членов Политбюро, причем эти подготовки террористических актов шла с ведома и одобрения центра правых, в том числе Томского и Рыкова.

Бухарин. Да.

Вышинский. Перейдем к подсудимому Рыкову. Мы работали часть ваших преступлений. Закончили мы примерно 1933 годом.

Рыков. Конец этого периода совпадает с ликвидацией кулачества. В связи с этим правые потеряли свою последнюю социальную базу — кулачество. И последующий период характеризуется созданием исключительно агитационного типа организаций и применением самых острейших методов борьбы против партии и правительства. Сюда, в частности, относится одна из попыток, которая была сделана, это подготовка «хлеборобного переворота». Этот вопрос стал в 1933 г. Опорой для осуществления этого контрреволюционного плана явился Енукидзе, который вступил в качестве активного члена в организацию правых в 1933 году. Большую роль играл Ягода, который возглавлял ОГПУ.

Стал вопрос, как согласовать силы контрреволюции для осуществления «хлеборобного заговора». Был создан центр для этой задачи с привлечением тула троцкистов и эсеровцев: Каменева, Пятакова, затем Енукидзе; туда вошли также и Бухарин и Томский. Мы должны были скомпоновать все силы вокруг этого центра. Причем, с этим центром была связана военная группа Тулачевского и группа Ягоды.

В 1934 году уже обсуждалась возможность тактического использования этой организации в связи с предстоящим 17 партсъездом. Я не помню точно, по указанию ли Томского или, может быть, по указанию Енукидзе, был поставлен вопрос, чтобы осуществить этот переворот во время 17 партсъезда, когда соберутся все ответственные работники, и одновременно с влиянием членами правительства можно будет подвергнуть аресту тех виднейших работников республики и областей, которые могли бы сопротивляться перевороту. Но этот план был отвергнут. Сплоченность партии, популярность правительства, отсутствие какого-либо недоверия в стране, конечно, делали такого рода попытки совершенно авантюристскими, совершенно ничтожными, и это послужило причиной отторжения этого плана.

Далее Рыков показывает, что в 1933 году центр «право-троцкистского блока» уже имел прочную связь с германскими фашистами и включил в него соглашения. Фашисты требовали от контрреволюционного центра «выделения» в СССР крупнейших национальных республик.

Вышинский. Что это значит по существу?

Рыков. Это означает то, что от СССР отходят крупнейшие национальные республики. Из национальных республик

они пытаются сделать смежные с ними территории, которые сделают своими вассалами, и тем самым получат возможность нападения на оставшуюся часть Союза. Они приближаются, таким образом, к сердцу СССР, им облегчается возможность ведения с их стороны победоносной войны с СССР.

Вышинский. Следовательно, это — расчленение СССР, отторжение от него ряда республик?

Рыков. Да.

Вышинский. Правильно или неправильно будет сказать, что в период 1932—33 года организовывалась группа, которую можно назвать право-троцкистским антисоветским блоком?

Рыков. Фактически он был. Организационно он с 1933—34 года выражался в так называемом контактом центре.

Вышинский. При этом этот блок поставил своей задачей, как вы формулируете?

Рыков. Поставил своей задачей, насилием свергнуть советское государство, путем измены и путем соглашения с фашистскими силами за границей.

Вышинский. На каких условиях?

Рыков. На условиях расчленения СССР, отторжения национальных республик.

Вышинский. Этот блок состоял, вы говорите, из правых. Далее кто в него входил?

Рыков. Правые, троцкисты и эсеры.

Вышинский. Входили также меньшевики, через которых вы были связаны с Николаевским и с Даном за границей. И, наконец, и национальных республик были отдельные буржуазно-националистические группы. Линия на поражение разложилась в вами, и Бухарин, или же у Бухарина была на этот счет особая точка зрения?

Рыков. Помню, что однажды Бухарин в моем присутствии формулировал вопрос об открытии фронта.

Вышинский. Может быть вы более подробно расскажете об этом?

Рыков. Здесь достаточно перечислить ряд фактов. Существование военной группы во главе с Тулачевским, которая была связана с нашим центром и которая ставила своей целью использование войны для низвержения правительства, это подготовка самой настоящей интервенции. Наши сношения с немцами, которые мы всечески усиливали, должны были всечески стимулировать военное нападение, поскольку здесь заговорщицкая организация вступала в изменнические отношения с ними.

Вышинский. Вы шли прямо в такой изменнический акт, как отторжение Белоруссии от СССР и Польше?

Рыков. На независимость, Белоруссия должна была быть под протекторатом Польши.

Вышинский (к Бухарину). Вы стояли, как и Рыков, на пораженческой позиции?

Бухарин. Нет, но я отвечаю за это дело.

Вышинский. Что вы отвечаете, это дело другое. Мне нужно установить факт, был ли у вас разговор с Рыковым и Томским относительно открытия фронта?

Бухарин. Был, не с Рыковым, а с Томским.

Вышинский. О чем?

Бухарин. Был разговор с Томским, он сказал относительно идеи открытия фронта.

ДНЕВНИК ВЕЧЕРНЕГО ЗАСЕДАНИЯ 3 МАРТА

После перерыва прокурор тов. Вышинский допрашивает подсудимого Раковского о троцкистской деятельности подсудимого Крестинского.

Говоря о показаниях Крестинского, сделанных в суде, Раковский называет их «существующими действительностями». Он заявляет, что Крестинский был и остался активным троцкистом. Раковский останавливается на письме, отправленном Крестинским в 1927 году Троцкому. Накануне Крестинский ссылался на то, что при обыске у него была обнаружена копия этого письма, в котором он заявлял о своем отходе от троцкизма. Показаниями Раковского устанавливается, что речь идет о письме, опубликованном в советской печати. Раковский заявляет, что это письмо было двусмысленным. Беседу с Троцким немедленно после опубликования этого письма, Раковский сказал ему, что письмо предназначено исключительно для того, чтобы служить в качестве «калбана». Раковский говорит о своих беседах с Крестинским в 1927 году, в частности, о беседе, состоявшейся в Берлине при участии Каменева, и отмечает, что в момент составления этого письма Крестинский на деле оставался троцкистом. Крестинский оставался троцкистом и после 1927 года; в подтверждение этого Раковский указывает на личное письмо, полученное им от Крестинского в 1929 году.

Опрашивая Крестинского по существу показаний Раковского, прокурор предъявляет ему известные доказательства: копию письма Крестинского в Троцкому от 27 ноября 1927 года, текст письма Крестинского в редакцию газеты «Экономическая жизнь» от 22/III—1928 г. Крестинский вынужден признать полноту и достоверность содержания документов, а также правильность показаний подсудимого Раковского.

Если это, правильно, — говорит тов. Вышинский, — продолжает ли вы обманывать суд и отрицать правильность данных вами на предварительном следствии показаний?

Крестинский. Я заявляю, что теперь он подтверждает свои показания на предварительном следствии.

Вышинский. Что означает в таком случае ваше последнее заявление, которое нельзя иначе рассматривать, как троцкистскую провокацию на процесс?

Крестинский. Вчера, под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи

подсудимых, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать — да, я виновен, я почти машинально ответил — нет, не виновен.

Вышинский. Машинально?

Крестинский. Я не в силах был перед лицом мирового общественного мнения сказать правду, что я вел все время троцкистскую борьбу против советской власти.

Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тяжким обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измены и предательства.

Вышинский. У меня больше вопросов к подсудимому Крестинскому пока нет.

Вашинский. Был разговор с Томским об открытии фронта? Кому открыть фронт?

Бухарин. Против СССР...

Вашинский. Кому открыть фронт?

Бухарин. Германия...

Вашинский. Что же это означает?

Бухарин. Это означает государственную измену.

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Рыков, в ваших показаниях о работе организации правых в Белоруссии вы отметили, что фактически эта организация правых в Белоруссии превратилась в экспедицию польского генерального штаба. Это правильно?

Рыков. Да.

Председательствующий Ульрих. Вы в своих показаниях отметили: «Наши директивы совпадали с директивами польского генерального штаба». Здесь надо понимать директивы центра — Бухарина, Рыкова, Томского?

Рыков. Когда я это писал, я преследовал цель охарактеризовать окончательные политические результаты.

Председательствующий Ульрих. Результат таков, что ваша организация в Белоруссии превратилась в экспедицию польского генерального штаба.

Рыков. Это есть формулировка политического результата, а не определение нейтральных организационных отношений.

Председательствующий Ульрих. Ваши организации правых в Белоруссии разрывали вредительскую работу в сельском хозяйстве, в строительстве дорог по заданию польского генерального штаба?

Рыков. Мне известны два случая со слов Голодеда — это относительно конского поголовья и второе относительно коров.

Председательствующий Ульрих. Почему понадобилось польской разведке давать задания — проводить вредительскую работу в строительстве дорог?

Рыков. Это, очевидно, для втягивания продвижения наших войск на защиту границ советского государства.

Председательствующий Ульрих. Факт это или нет, что организация правых на территории Западной Белоруссии наскакала провокаторов в варшавские коммунистические организации?

Рыков. Это верно.

Председательствующий Ульрих. Скажите, подсудимый Рыков, когда вы давали показания о работе организации правых на Северном Кавказе, вы упоминали, что вы имели дело с белогвардейской организацией казачества?

Рыков. Я здесь упустил показать о казачьей организации правых, которая была там создана. Присутствие в ее составе в период 1930—31 года. В дальнейшем об организации работы в казачьей организации меня информировал Пивоваров. Тула же, кроме казаков, эмигранты, которые, как говорил Пивоваров, сохранили связи с оставшимися за границей остатками казачьих армий и в своей работе получали помощь от этих казачьих белых армий. Через них и с ними были разговоры о том, что если добьются восстановления в Средней Азии, то эти самые остатки казачьих организаций на границе обещали даже помощь при помощи десанта. Вот что и знал от Пивоварова относительно казачьих организаций.

Председательствующий Ульрих. А десант предполагался в каком составе, белогвардейский?

Рыков. Я сказал остатка казачьих белых армий за границей. (БЕЛТА)

Допрос подсудимого РЫКОВА *)

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Рыков, ваши показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Рыков. Да, подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Рыков, скажите, когда началась ваша подпольная заговорщицкая деятельность против советского правительства?

Рыков. По существу дела она началась с 1928 года. Я боролся активно против всей политики партии и советского правительства и главным образом против политики партии в отношении к крестьянству. Эта деятельность выражалась в моих, что называется, легальных выступлениях. Нелегальная организация в этот период использовала легальные возможности.

Вышинский. Какие у вас были отношения с Ягодой в 1928—29 гг.?

Рыков. В отношениях с Ягодой все было нелегально. У нас уже в этот период существовали кадры, которые были специально законспирированы в целях организации дальнейшей борьбы с партией. К этим людям, в частности, принадлежал Ягода, о котором я был в этот период и перед тем связан лично, от которого я получал и специальную подборку информации, которую я использовал для своих выступлений против политики партии в деревне.

Когда в дальнейшем на заседании Политбюро было открыто сочувствие Ягоды нам по вопросу о чрезвычайных мерах в хлебозаготовках по отношению к кулачеству, он после короткого времени осуществил маневр двуличничества: заявил себя сторонником партии, на самом деле оставаясь членом нашей контрреволюционной организации. Причем сделано это было не только с моего ведома, а, насколько помню, и по моему совету.

Вышинский. Было ли у вас с Ягодой соглашение о том, что члены вашей подпольной организации ни в коем случае не будут репрессированы?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Было ли с Ягодой соглашение о том, что он будет оберегать подпольную организацию правых, используя свое служебное положение?

Рыков. Да, факт подтверждаю.

Вышинский. Следовательно, вы совершили прямую государственную измену?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Было ли с Ягодой соглашение о том, что он будет оберегать подпольную организацию правых, используя свое служебное положение?

Рыков. Да, факт подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Ягода, вы подтверждаете эту часть показаний Рыкова?

Ягода. Факт подтверждаю.

Вышинский. Следовательно, вы совершили прямую государственную измену?

Ягода. Да.

Вышинский. Продолжайте, подсудимый Рыков.

Рыков. В этот период, так называемой, открытой борьбы, наряду с легальной, открытой борьбой, сразу стал складываться и нелегальный центр правых в составе меня, Бухарина и Томского. Руководство борьбой было в наших руках. Этот центр удерживался и продолжал свою контрреволюционную работу до последнего времени.

Нелегальная работа заключалась в том, что такие же группы в тот период с 1928 по 1930 год стали создаваться на территории Союза. Таким образом деятельность по созданию нелегального костяка организации в тот момент, с 1928 по 1930 г., прошла и не могла не пройти по всему Союзу. Главными составными частями того, что вошло в состав контрреволюционной организации в Москве, был Томский со своими профессионалистами, Бухарин со своими связями, в частности со своими учениками, с его «школой», потом я с целым рядом своих сторонников, затем Угланов с группой своих сторонников из Москвы. Это сразу составило организацию правых. До 1930 г. было накопление этой организации.

В этих же целях, в целях борьбы с партией мы использовали профсоюзный съезд. Почти все 33 человека, которые голосовали за Томского и против партии на профсоюзном съезде, вошли в нашу контрреволюционную организацию.

Когда на пленумах, конференциях и съездах партии позиция правых подвиги систематическому разложению, было совершенно ясно, что удержаться на легальной позиции было невозможно. Тогда началась серия заявлений об отходе от правых убеждений. Все эти заявления были обманом

партии. Из центра, куда и я входил, давались непосредственные директивы о том, чтобы такие заявления подавать.

Несколько позднее, одним из последних, подав заявление об отходе от защиты платформы правых и я вместе с Бухариным и Томским. Этим заявлением мы хотели обмануть партию. После того, как было вынесено решение съезда партии о несовместимости взглядов правых с принадлежностью к партии, мы перешли полностью на нелегальность.

Вышинский. Меня интересует период 1928—29 гг. В это время у нас действовал руководящий центр?

Рыков. Да, тройка, с самого начала.

Вышинский. В лице кого?

Рыков. В лице моем, Бухарина и Томского.

Вышинский. Перейдем к дальнейшему периоду.

Рыков. Следующий период — 1930—33 г. г. Это тот период, когда формировались наиболее преступные методы работы и цели, которые поставила себе контрреволюционная организация. Я должен здесь оговориться, было бы неправильно сказать, что в период 1928—30 гг. никто из правых не говорил о применении таких методов как террор.

Вышинский. Были такие?

Рыков. Конечно, в этот период отдельные лица уже выставляли требования о применении этих методов. Но это были предостережения того, что потом было принято в виде тактики контрреволюционной организации правых. Для периода 1930—33 гг. в смысле принципиальных установок является характерной, так называемая, рютинская платформа. Обсуждалась эта рютинская платформа дважды в 1932 году при моем участии на даче Томского. Кроме меня на первом собрании присутствовали Бухарин и Томский и целый ряд лиц, в числе которых был Василий Шмидт и Угланов. Платформа называется рютинской потому, что она была издана сторонниками правых, группой Рютин, из московской организации Угланова.

Эта группа при производстве следствия по поводу этой платформы приняла всю ответственность на себя. Это было сделано с заранее обдуманным намерением, чтобы нам самим не быть привлеченными к ответственности за эту платформу. Благодаря тому, что Ягода был во главе ОГПУ, нам удалось это сделать.

Вышинский. Уже тогда, следовательно, элементы терроризма имели место в вашей деятельности?

Рыков. Платформа признавала, насколько я помню, а я помню, ибо принимал участие в редактировании, различные методы изменения руководства партии и страной — террор, восстания. Вторая формулировка — это объединение тех сил, тех организаций, которые борются с партией и правительством СССР. Эти два тезиса явились основными и определяющими в рютинской платформе и вместе с тем для всего последующего периода.

Наша контрреволюционная работа за этот период стремилась опереться и опиралась до некоторой степени на те силы контрреволюции, которые в это время активизировались. Я имею в виду кулацкие выступления, кулацкие восстания, кулацкий саботаж, который в то время был довольно широко развит.

Центр правых обращал на Северный Кавказ особое внимание, в связи с большим удельным весом казачества и значительного крестьянства.

Тула в 1932 г. ездил специально Енисей в целях организации нашего участия в кулацком движении. Енисей потом поехал туда с моего ведома и после предварительного разговора с мной. С ведома и по инициативе Бухарина тула с этими же целями был послан Слепков.

Вышинский. Что вы скажете, подсудимый Бухарин?

Бухарин. Я подтверждаю все, что говорил здесь до сих пор Рыков.

Отвечая на вопросы прокурора, Рыков далее сообщает о контрреволюционной работе правых, которая проводилась в Сибири. Он заявляет, что знает об Бухарине о том, что Яковенко в Сибири осуществлял такую же работу, какая велась на Северном Кавказе, т. е. он стремился поднять кулацкие активные выступления. Он не

однократно виделся с Бухариным и разговаривал с ним. Конечно, Бухарин давал ему установки, директивы, пропагандировал его.

Вышинский (обращаясь к суду). Повторяю Бухарина спросить по этой части. Подсудимый Рыков правильно осветил факт послышки вам Яковенко в Сибирь для организации кулацкого восстания?

Бухарин. Правильно. Яковенко встретил меня случайно в Серебряном бору. Он сказал, что есть достаточные силы для того, чтобы поднять восстание. Я ему согласился сначала не дал, сказал, что посоветуюсь со своими единомышленниками. Этот вопрос я поставил формально на обсуждение центра.

Вышинский. В 1932 году?

Бухарин. Да. Они выразили недоверие, что я сразу не ответил Яковенко положительно. После составленного решения я об этом сказал Яковенко, не вдаваясь в детали технических сторон, что центр стоит за то, чтобы движение разжечь и поднять восстание.

Вышинский. И он поехал?

Бухарин. Да, он поехал.

Вышинский. И что же, были там в Сибири кулацкие выступления?

Бухарин. Да, выступления были.

Вышинский. В 1932 году вы стали на путь прямой государственной измены. Правильно это или нет?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский (обращаясь к Рыкову). Это, подсудимый Рыков, вам также было известно? Это с вашего ведома делалось?

Рыков. Конечно. В связи с Северным Кавказом в смысле преступности есть еще один момент, это — по линии эсеровской связи, которую перед этим мы обсуждали специально в связи с кулацкими восстаниями. Связь с эсерами на основе совместных антисоветских выступлений кулачества, как сообщил мне Енисей, была осуществлена на практике на Северном Кавказе.

В этот же период формировались взгляды правых и по вопросу о терроре. Нарастание террористических настроений началось еще до 1930 года, насколько мне известно. Приблизительно в 1932 году оформилось наше позитивное отношение к применению террора, как методу борьбы за власть, причем это нашло свое выражение и на практике. Создавался целый ряд террористических групп. Я лично давал целый ряд террористических директив, кроме людей, близких мне, как Нестеров, Радина, целому ряду других. Я передавал эти директивы и национальным организациям. Говорил по вопросу о терроре с участниками панторкистской и белорусской националистической организации. И скоро террористические установки с соответствующими выводами были широко приняты у меня, кроме этих разговоров, по этому поводу были и другие. Нестеров затем сообщил, что на Урале в Свердловске было, по моим указаниям, создана организация.

В последнее время, в 1935 году, я имел разговор террористического характера с Котовым, руководителем членом московской организации правых. Приблизительно в 1934 г. я дал указания своей бывшей секретарше Артменко о наблюдении за прохождением правительственных машин.

В этот же период по вопросу о терроре была установлена связь с эсерами Семеновым через Бухарина. Я лично Семенова не знал. Бухарин сказал, что через Семенова он готовит покушение на Сталина. Потом, мы, насколько помню, обсуждали вопрос о связи с эсерами по этой линии, и связь эта была установлена через Бухарина, который имел наиболее прочные связи. Я имел разговор такого же террористического характера и с Велобородовым при поездке на курорт на Северный Кавказ. Это было приблизительно в 1934 году.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, вы это подтверждаете?

Бухарин. В основном подтверждаю.

Вышинский. Вы тогда знали об Семеновом, что готовился покушение на товарища Сталина и Кагановича?

Бухарин. Нет, Рыков не точно передает. Тут дело обстоит так. Семенов сообщил: у него есть связи с реальными эсеровскими террористическими группами, и так как он знает о настроениях среди правых контрреволюционных

